

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций

Кафедра истории журналистики

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ ВРАГА И ГЕРОЯ В ВЕДОМСТВЕННОЙ
ПРЕССЕ В ПЕРИОД ЧЕЧЕНСКОЙ КАМПАНИИ НА ПРИМЕРЕ
ПУБЛИЦИСТИКИ В.Н.НОСКОВА

Выполнила студентка 4 курса
дневного отделения
факультета журналистики
Наталия Поломошнова

Научный руководитель
доцент, кандидат филологических наук
Кругликова Ольга Сергеевна

Санкт-Петербург

2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Общественные и политические реалии в современном российском обществе в значительной степени связаны с темой вооруженных конфликтов¹. Коммуникационная сфера в общем и средства массовой информации в частности являются одними из ключевых действующих лиц в современных войнах. Информационное противостояние сегодня является стратегически важной частью ведения войны.

Впрочем, информационные войны в сложной социальной и политической структуре российского общества ведутся не только с противником, но и внутри социокультурной общности россиян. Раздробленность российского общества на основании различных мотивов (политических, экономических, религиозных и иных) приводит к возникновению противоречий в интерпретации военных конфликтов. Соответственно, представители средств массовой информации подчиняются аналогичным мотивам (зачастую экономическим и политическим), формируя в рядах аудитории разнородные, полярные мнения.

Локальные конфликты, как ситуативные реалии, происходящие в рамках единой социокультурной общности, являются одним из самых ярких примеров информационного раскола и информационной войны. Наибольший «градус» столкновения мнений набирают во время активной фазы боевых действий. Период активных боевых действий во время Чеченских кампаний российские масс-медиа размежевались по принципу соответствия с частными интересами и общественно-политической позицией их представителей (издателей, журналистов и т.д.).

Актуальность работы заключается в том, что исследование затрагивает вопросы информационного конфликта во время локального

---

¹ Текст речи президента Российской Федерации В.В. Путина на Военном параде на Красной площади [Электронный источник] [URL:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/51888](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/51888) (дата обращения 10.05.2016).

вооруженного противостояния². В данный момент в Российской Федерации можно наблюдать регулярное проведение контртеррористических операций и иных вооруженных столкновений³, которые могут служить катализаторами конфликтов в информационной среде. Поэтому исследование исторического проявления данного аспекта информационного противостояния представляется важным в рамках сегодняшней информационной повестки.

В противостояние с чеченской пропагандой, захватившей значительную часть российской прессы, вступили ведомственные издания, формируя на своих страницах образ героя, противостоящего чеченским боевикам на передовой.

Медиаисследователь Н. Л. Волковский, работе, посвященной истории информационных войн, отмечает, что в первом эпизоде Второй чеченской кампании (захват боевиками городов в республике Дагестан) для СМИ «получить информацию можно было только на известном удуговском сайте «Кавказ»⁴, и только через пять дней после начала конфликта представители силовых ведомств создали собственный сайт «Дагестан».

О современном состоянии исследования феномена информационного конфликта за период Чеченской кампании пишет исследователь масс-медиа И. Э. Калоева, рассматривающая средства массовой информации в качестве «регулятора вооруженных конфликтов немеждународного типа»⁵.

Данный исследователь отмечает, что на рынке российских медиа в тот период были представлены издания, при анализе которых можно выявить полярность позиций журналистов и редакционных коллективов при освещении боевых действий.

---

² Официально данная военная кампания называлась «контртеррористической операцией на Северном Кавказе» (Интервью Владимира Путина телеканалу ОРТ // Сайт Президента России, 15 января 2000), но на наш взгляд, период активных боевых действий (до конца 2000 года) можно считать вооруженным противостоянием и войной.

³ Режим КТО на Северном Кавказе Российская газета <https://rg.ru/sujet/3698/>

⁴ Волковский Н. Л.. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон».., 2003 С.730.

⁵ Калоева И.Э. Особенности освещения в СМИ вооруженных конфликтов (Чеченская республика: 1994-2004 гг.) : Дис. канд. полит. наук : 10.01.10 : Санкт-Петербург, 2004 198 с.

Такой идеологически-пропагандистский концепт имеет значительный исторический контекст, исследованный за последние годы.

Внимание исследователей привлекали способы и методы формирования образов врага и героя в различные исторические периоды. Так, например, генезис образа героя в начале советского периода и Гражданскую войну рассматривается в работе Г. В. Кретицина, И. О. Дементьева, С. А. Якимова⁶, а также И. Н. Гребенкина⁷, Б. И. Колоницкого⁸ и ряда других авторов.

Крупные работы посвящены изучению образов врага и героя в советской пропаганде во время войны против фашизма. К таким исследованиям можно отнести работы В. А. Сомова «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании⁹ и М. Э. Никитиной «Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны»¹⁰.

Наиболее полное исследование образов врага и героя Чеченской кампании в представлении прессы было проведено О. В. Ключинской в работе «Проблемно-тематические аспекты современной военной прозы»¹¹. Стоит отметить, что в нашей работе, при исследовании публицистики на

---

⁶ Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей / под ред. Г.В. Кретицина, И.О. Дементьева, С.А. Якимова. Калининград, 2013. С. 305–314.

⁷ Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914-1918 гг. Рязань, 2011. 400 с.

⁸ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 657/

⁹ Сомов В.А. Образ врага в сознании гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. С. 264-266.

¹⁰ Никитина М.Э. Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны (На материалах Пензенской области) : Дис. канд. ист. наук : 07.00.02 Пенза, 2005 263 с.

¹¹ Ключинская О.В. Проблемно-тематические аспекты современной военной прозы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemno-tematicheskie-aspekty-sovremennoy-voennoy-prozy> (дата обращения: 14.04.2016).

данную тему, является приемлемым опираться на исследования военной прозы, как на наиболее близкие по методу их выполнения.

Данные исследования показывают, что вопрос изучения образов врага и героя играет важную роль в историческом анализе военных кампаний. По этой причине представляется интересным исследовать один из аспектов информационной пропаганды, как основной составляющей информационной войны, а именно формирование данных образов в изданиях, направленных непосредственно на аудиторию принимающую участие в военном конфликте.

Из изданий такого типа мы рассмотрим ведомственные газету и журнал Министерства внутренних дел. Газета «Щит и меч» и журнал «Милиция», учреждены МВД Российской Федерации и Объединенной редакцией МВД РФ.

Для нас представляет особый интерес в данных изданиях публицистика собственного корреспондента В. Н. Носкова, который наиболее активно из журналистов ведомственных изданий освещал боевые действия в Чечне и Дагестане на протяжении всего активного их периода, и объединил ряд своих очерков о Первой и Второй чеченской кампании (1994-2000гг.) в книгу «Спецназ. Любите нас, пока мы живы» [Боевые действия в Чечне и Дагестане в очерках и рассказах].

В работе мы рассмотрим вопрос формирования образов врага и героя в очерках о Чеченской кампании специального корреспондента изданий МВД РФ В. Н. Носкова.

Новизна исследования состоит в том, что представление Чеченской кампании в ведомственной прессе не было изучено с точки зрения формирования образов врага и героя, позиционирования их для аудитории, непосредственно участвующей в военном конфликте.

Объект работы — очерки В. Н. Носкова в изданиях «Щит и меч» и журнале «Милиция» за период Чеченской кампании.

Предметом работы являются особенности представления героя и врага в очерках В. Н. Носкова в книге ««Спецназ. Любите нас, пока мы живы» [Боевые действия в Чечне и Дагестане в очерках и рассказах].

Цель работы — выявление специфики репрезентации образов противоборствующих сторон в газете «Щит и меч» и журнале «Милиция» за период Чеченской кампании.

Постановка этой цели предполагает, в свою очередь, решение следующих **задач**:

1. Исследовать теоретические аспекты формирования образов врага и героя;

2. Изучить исторически обусловленные особенности восприятия образов врага и героя в контексте русской культуры;

3. Исследовать специфику пропаганды образов врага и героя, нацеленной на военнослужащих, и роль в ней ведомственной прессы;

4. Разработать методику исследования текстов;

5. Проанализировать лексику заголовочных комплексов и лейтмотивы в изображении образов врага и героя в текстах очерков В. Н. Носкова.

В работе использован следующий комплекс методов исследования:

- Метод структурно-семантического анализа текста;
- Метод функционального анализа материала текста;
- Авторская методика анализа коннотативных особенностей лексики заголовочных комплексов.

В качестве эмпирического материала в работе были рассмотрены 51 текст В. Н. Носкова из книги «Спецназ. Любите нас, пока мы живы» [Боевые действия в Чечне и Дагестане в очерках и рассказах], повествующие о Чеченской кампании, и материалы изданий: «Российская газета» и «Новая газета» за период Чеченской кампании.

Основные результаты исследования были представлены на международных научных и практических конференциях в Москве (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2015»), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016»), Санкт-Петербурге (Международная конференция «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» в 2015, 2016 и 2017 годах) и Оренбурге (Международная

научно-практическая конференция НОВАЯ НАУКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ 2016 год).

Ключевые положения работы и апробация методики анализа коннотативных особенностей лексики заголовочных комплексов отражены в 8 публикациях в рецензируемых научных изданиях.

Структура настоящей работы представлена введением, теоретической главой, эмпирическим исследованием, заключением и списком источников и использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ВРАГА И ГЕРОЯ В ПЕРИОДЫ ВООРУЖЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ

1.1. Теоретические аспекты формирования образов врага и героя в периоды вооруженных столкновений

В общественном сознании образы врага и героя напрямую связаны с таким понятием, как социальная мифология. Социальная мифология подразумевает под собой некий набор стереотипов о социальной жизни, заменяющих реальные знания о системе социального взаимодействия и определяющих такие векторы общественной жизни индивидуума, которые являются базой для сохранения существующей общественной системы¹².

Воздействие социального мифа, как и традиционной мифологии, закрепилось в общественной жизни следующим образом: «инстинктивные реакции человека, закрепленные в его подсознании, в дальнейшем срабатывали автоматически, произвольно и в коммуникационном процессе между людьми сопровождалась выстраиванием смысловой и символическо-мифологической систем. С развитием сознания и усложнением мыслительных операций автоматизм реакций ослабевает, человек получает возможность абстрагироваться от конкретной ситуации и контролировать свои психические реакции либо придавать им культурную форму»¹³.

Социальная мифология позволяет общественной системе выстроить некий резерв из индивидуумов, готовых выполнять необходимые для общественного регулирования социальные роли на основании чувства долженствования. Воспитание такого чувства общественного долга зачастую определяет устойчивость социальной системы.

---

¹² Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Проблемы индивидуального и коллективного разума / Под ред. В. Н. Келасьева. СПб., 1998. с.50.

¹³ Воеводина Л.Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия // Вестник МГУКИ. 2012. №1 (45). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mifologicheskogo-obraza-i-sotsialnaya-dramaturgiya> (дата обращения: 03.06.2016).

Для нас интересен частный пример социальной мифологии, основанный на необходимости защиты общественной системы, ее целостности от внешнего и внутреннего врага.

Такой социальный миф состоит из нескольких компонентов. Во-первых, он имеет биологическую базу в виде инстинкта к защите (самосохранение, защита потомства и жилища). Во-вторых, он содержит определяющие саму социальную общность понятия, например, понятия родины, суверенитета, народа, народного единства и т.д. Также, в нем содержатся компоненты, которые, собственно, и заставляют индивидуума, последовать за героем мифа. Они определяются характерными идеями для данной социальной группы, например, идеями свободы, независимости, справедливости. Самый же главный компонент такого мифа – идея о самопожертвовании как высшем благе¹⁴, базирующаяся на христианской традиции.

Таким образом, социальный миф о герое может быть выстроен, например, следующим образом: тебе (аудитория мифа) и твоей родине/народу/семье и т.д. угрожает опасность от внутреннего/внешнего врага, но ты не трус (который может убежать или сдаться), а герой, движимый идеей свободы/независимости или желанием сохранить мир вокруг, готовый пожертвовать собой во имя этого.

Важно отметить, что внутреннего (без признания обществом) соотношения себя с героем социального мифа достаточно, чтобы индивидуально решиться на самопожертвование.

Рассмотрим миф о герое на примере из древнерусской литературы, а именно, «Сказания о Борисе и Глебе»¹⁵. Сказание датировано серединой XI века, автором сказания считают Иакова Черноризца (Мних Иаков)¹⁶.

---

¹⁴ Brian Stewart Hook. Heroism and the Christian Life: Reclaiming Excellence. — Louisville, Kentucky: Westminster John Knox Press, 2000

¹⁵ Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб., 1997. — Т. 1: XI—XII века.

¹⁶ Иаков (черноризец) // Русский биографический словарь : в 25 томах. — СПб.—М., 1896—1918.

Сюжет «Сказания...» следующий: два брата Борис и Глеб после смерти князя Владимира становятся претендентами на киевский княжеский престол. Но престол захватывает еще один брат, князь Святополк. Чтобы избежать междоусобицы, Борис распускает свою дружину и признает власть Святополка. Главный посыл всего сказания содержится в следующих словах Бориса: «Не подниму руку на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца».

Святополк же отправляет убийц к Борису и Глебу. И братья (сначала Борис, а позже и Глеб) принимают свою смерть и не сопротивляются убийству, принося себя в жертву во избежание возможной внутренней войны между наследниками князя Владимира.

Если проанализировать данный древнерусский текст как социальный миф, то нам удастся выявить в нем компоненты, которые содержатся в мифе о герое. Так «Сказание...» содержит информацию о единой Руси, а данное понятие является определяющим для всей социальной общности аудитории текста. У братьев, героев «Сказания...», есть ключевая идея – недопущение братоубийственной войны и сохранение мира, и они совершают самопожертвование ради этой цели. Стоит также отметить, что жертвуя собой, они защищают людей вокруг себя (Борис распустил свою дружину, защитив их от смерти во время возможной битвы с войском Святополка).

Самопожертвование братьев имеет дидактический характер, иллюстрируя основные христианские заветы. В традиции мученичества, свойственного первым векам христианства, герои данного текста реализуют свое главное предназначение во имя конкретного блага оставшихся в живых людей.

Дальнейшей русской литературной традиции свойственно использование различных сюжетов с компонентами социального мифа о герое, которые мы упоминали выше. Так можно говорить, что данные компоненты присутствуют во многих программных затрагивающих различные вехи истории Руси и России текстах русской классической литературы практически во все периоды ее существования. Известные

примеры таких текстов: «Бородино» М. Л. Лермонтова (1837 г.) и «Война и мир» Л. Н. Толстого (1865 г.), «Василий Теркин» А. Т. Твардовского (1942 г.).

Таким образом, мы можем говорить, что в российской исторической традиции феномен «образа героя» можно рассматривать как ряд компонентов социального мифа, который выполняет дидактическую функцию, воспитывая в индивидуумах способность к самопожертвованию ради защиты чьих-либо интересов, создавая тем самым людей, готовых к подвигу и преодолению трудностей.

Такие социальные мифы широко распространены в культуре и могут быть основаны на реальных подвигах, совершенных в периоды войн. Стоит отметить, что обязанность изучения таких социальных мифов (в виде памятников русской классической литературы) лежит на каждом дееспособном гражданине России, поскольку данные тексты входят в программу общего среднего образования. Поэтому, мы можем говорить о масштабном внедрении социальной мифологии такого толка в сознание граждан путем его формирования в системе школьного образования.

Таким образом, создается стабильное и регулярно сменяемое (естественная смена поколений) сообщество людей, которые воспитаны на социальных мифах, выполненных в единой традиции. Также важно учитывать тот факт, что тема героя, подвига и самопожертвования особенно активно используется в поствоенном обществе.

Концепт врага базируется на психологическом механизме перцепции культуры «свое-чужое». Для работы данного механизма необходимо наличие двух устойчивых культурных систем, взаимодействие представителей которых вызывает у них диссонанс, основанный на противоестественности для одних системных реалий других. Данный диссонанс, в свою очередь, является воплощением мировоззрения личности, заложенного в период развития в пределах «родной» культурной системы.

Можно говорить, что в рамках концепта «свое-чужое» восприятие противоестественного может лежать в широком диапазоне: от любопытства до неприятия. Впрочем, в ситуативной реалии информационной войны

отмечается, что образ «чужого» имеет исключительно отрицательную оценку. Это достигается за счет абсолютизации освещения исходящих от «чужого» угроз по отношению к привычной стабильности положения личности в социуме.

По мнению Е. С. Сенявской: «Ситуация опасности, исходящей от «чужого» угрозы и составляет тот социальный и социокультурный контекст, в котором формируется «образ врага»¹⁷. В реалиях конфликта вопрос взаимного восприятия базируется не только на объективных оценках «чужого», но и на проецировании негативных оценок субъектов без беспристрастного анализа фактов.

Исследователи выделяют два основных подхода к формированию данного концепта в общественных системах. «Первый подход был охарактеризован как онтологический (конфликтный), а второй — как ситуационный (консенсусный)»¹⁸.

Онтологический подход базируется на теоретических положениях социал-дарвинизма: «его классическим выразителем можно считать К. Шмитта, полагавшего, что у политики нет собственного содержания, а критерием политического выступает некоторая «интенсивность противоположенности», наличие групп «друзей» и «врагов» (не важно, по какому поводу)»¹⁹.

Данная парадигма предполагает некоторой частоты непродуктивные взаимодействия социальных групп, результат которых – отторжение чуждого и порождение нового «врага»²⁰. Таким образом, на стыке культурных формаций возникает невозможность создания целостного нового общественного взаимодействия.

---

¹⁷ Е.С. Сенявская Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. — М., 2006, с. 20.

¹⁸ С. В. Акопов, Е.М. Прошина «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до теории «далеких местных» // Власть . 2011. №01. С.89-92.

¹⁹ Там же

²⁰ М. Уоллерстайн Группы интересов // Полис, 1992, № 5-6, с. 165

Второй подход (консенсусный) предполагает возникновение при взаимодействии не исключительного неприятия врага, а скорее некоторые ситуативные столкновения, для разрешения которых социальные группы пытаются прийти к консенсусу.

Согласно консенсусному подходу враг рассматривается не как однозначное объективное зло, с которым необходимо бороться до победного конца, но как временный конкурент, с интересами которого может быть достигнут компромисс.

Стоит отметить, что на наш взгляд, оба этих подхода являются не столько формальными элементами политической игры, сколько вопросом психологической манипуляции членами общества, развитой в той или иной степени в частных интересах определенного заинтересованного круга лиц. Акцентируя внимание на современных реалиях вооруженных конфликтов, можно говорить о сложной системе средств и методов общественного контроля, задействованных в выстраивании мировоззренческих установок личностей в единой социальной общности²¹.

Некоторые исследователи²² утверждают, что о примерах такого социального контроля, направленного на непосредственное «сравливание» различных культурных концептов, можно говорить, начиная с периода появления первичных общественных формаций. Б. Ф. Прошев выдвигает предположение, что «исходное, можно сказать, исконное психологическое размежевание с какими-то «они» сосуществование людей на Земле с их биологическими предшественниками — палеоантропами (неандертальцами)? Именно их могли ощущать как недопускаемых к общению и опасных «нелюдей», «полулюдей». Лишь по мере вымирания и истребления палеоантропов та же психологическая схема стала распространяться на

---

²¹ Л.Я. Кузьмина Массовое сознание в условиях тоталитарного общества: генезис и особенности: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1990.

²² Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С.284.

отношения между группами, общинами, племенами, а там и всякими иными общностями внутри единого биологического вида современных людей»²³.

Исходя из такой логики, можно заключить, что дальнейшие столкновения различных социокультурных групп в ходе генезиса общественных формаций делают механизм формирования образа врага более изощренным, а именно – происходит накопление методов воздействия на мировоззрение личности с целью репрезентации «правильной» для субъекта воздействия позиции.

1.2 Исторически обусловленные особенности восприятия образов врага и героя в контексте русской культуры

Вопрос о русской ментальности в последние дни регулярно становится предметом общественных и научных дискуссий именно в связи с вооруженными конфликтами на территории Российской Федерации или за ее пределами²⁴.

Ментальность (от лат. *mens* — сознание, ум) принято определять как образ мышления, общую духовную настроенность человека, группы²⁵.

Под ментальностью в данной работе мы будем понимать набор стереотипов объединяющих социальную группу в области духовного.

Некоторые исследователи²⁶ считают, что защита «своей земли» — являлась одним из базовых аксиологических ориентиров русского человека: «исторически сложилось так, что суверенитет и защита Отечества от внешней угрозы составили одну из важнейших ценностей русского общества,

---

²³ Б. Ф. Поршнев Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.): Наука; Москва; 1979, с.68.

²⁴ Интервью информационному агентству ТАСС URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/47054> (дата обращения: 03.06.2016).

²⁵ Энциклопедический словарь. Под редакцией А.А. Ивина. — М.: Гардарики. 2004.

²⁶ Ильин, И.А. О грядущей России : избр. статьи / Под ред. Н.П.Полторацкого. - М. : Воениздат, 1993. –С.368.

имевшего исторический опыт пребывания под властью Орды, а затем испытывавшего постоянную угрозу внешнего вторжения, которая не раз осуществлялась»²⁷.

Впрочем, данное утверждение можно назвать достаточно размытым в общем историческом контексте. Однако невозможно не отметить своеобразную тенденцию к народному единению и осмыслению общенациональных приоритетов в периоды национальных конфликтов. Например, объединение второго народного ополчения в годы Смуты под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, народный подъем в войну 1812 года. Назовем данную тенденцию «народный ответ».

Как отмечает российский философ С. Ю. Смирнов: «Герой всегда занимал важное место в российской общественной жизни. Само нахождение российской цивилизации, созданной нашими предками на не всегда благоприятной в политико-географическом и природно-климатическом плане территории, которая тем не менее была пределом устремлений разных захватчиков и привлекала во все времена множество желающих получить все богатства этой земли, требовало от россиян отваги, ратного упорства, взаимовыручки. Все это вызвало к жизни необходимость в людях, готовых к подвигу, героях, чей нравственный пример служения своей стране мог быть примером для всех россиян»²⁸.

Стоит отметить, что не все войны вызывали «народный ответ». Так близкая к нашему предмету исследования Кавказская война (1817-1864 гг.) была далека от понимания «народом», а интеллигенцией воспринимались не столько как опасный, кровопролитный конфликт, а скорее, как некий привычный уху феномен. Этот феномен находит широкое подтверждение в русской классической литературе, которую можно рассматривать как исторический контекст (например, текст Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»).

---

²⁷ Гладкая Е. А., Заварухина О.А Роль «образа врага» в русском менталитете // Научные дискуссии о ценностях современного общества . 2015. №7. С.39-46.

²⁸ Смирнов С. Ю. Основные сущностные черты образа героя в российском общественном сознании в контексте его трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. №3 (31) С.125-128.

Как отмечают исследователи Е. А. Гладкая и О. А. Заварухина: «Менталитет, как и формирующийся на его основании «образ врага», являются категориями историческими. Опираясь в своей основе на вышеназванные фундаментальные ценности русского самосознания, они эволюционируют под воздействием, как различных исторических обстоятельств, так и фактора времени.

Казалось бы, что в условиях гуманистических тенденций XXI века, должны были бы уйти в прошлое такое понятие как «образ врага». Однако жизнь показывает обратное, данное понятие становится все более актуальным. Таким образом, процесс гуманизации в XXI веке протекает, судя по всему, не по возрастающей прямой, как это виделось в XX веке, а сохраняя тенденцию к росту и выражается в сложном циклическом движении с элементами морской волны и даже откатами»²⁹.

По словам Н. О. Лосского, «важно иметь в виду и такое свойство русской ментальности, влияющих на формирование образа героя, как страстность русских людей, то есть сочетание в них «сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность»³⁰.

Персонализируя феномен ментальности по принципу дедукции от русской общности до личности, можно говорить о проявлении данного «сильного чувства» в одном герое или социальной группе даже при незначительной поддержке народной общностью этого концепта в определенный хронологический период.

Таким образом, в рамках реалий Чеченской кампании можно отметить, что несмотря на отсутствие общественного единения по отношению к врагу (чеченским боевикам)³¹, можно говорить о проявлении русской ментальности

---

²⁹ Смирнов С. Ю. Основные сущностные черты образа героя в российском общественном сознании в контексте его трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. №3 (31) С.125-128.

³⁰ Лосский Н. О. Характер русского народа. Кн. 1. М., 1990, с. 215.

³¹ Д. А. Волкогонов, Психологическая война (подрывные действия империализма в области общественного сознания). / Д. А. Волкогонов - М.: Воениздат, 1983.-288 с.

через репрезентацию и перцепцию образа врага в некоторых социальных группах в рамках русской общности.

1.3. Специфика пропаганды образов врага и героя, нацеленной на военнослужащих, и роль в ней ведомственной прессы

Специфика формирования и презентации концепта героя в рамках различных социальных групп может быть максимально дифференцирована в зависимости от близости членов данной группы к конфликту. Таким образом, представители вооруженных сил, непосредственно принимающие участие в конфликте или близкие к нему, постоянно должны находиться в состоянии духовной мобилизации³².

Для поддержания данного психоэмоционального состояния бойцов в рамках государственной машины налажены механизмы воздействия на сознание. Репрезентация и перцепция концепта героя происходит систематически в ходе патриотическо-воспитательной работы в вооруженных силах.

Важным направлением военно-патриотического воспитания в вооруженных силах является героико-патриотическое просвещение на основе изучения военной истории. Пропаганда героического образа русского военного проводится как в ходе боевой подготовки, так и в часы культурно-массовой работы. Частой практикой является организации встреч в Домах офицеров с ветеранами Великой Отечественной войны, военнослужащими, проходившими службу в Афганистане.

Образ героя создается с помощью просмотров с личным составом военно-патриотических фильмов и их обсуждения в свободное время. Образ героя персонализируется, а значит, имеет наибольшее влияние для военно-

---

³² Дукельский В.Ю. Скажи мне, кто твой враг // [Электронный источник] Сайт «Институт культурной политики». [URL://www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html](http://www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html). (Дата обращения 15.10.15)

патриотического воспитания солдат и матросов. Кроме того, персонализация образа героя происходит и во время проведения спортивных мероприятий и праздников. Частой практикой в воинских частях является проведение спортивных состязаний или турниров имени конкретного героя, который проходил службу в данной части.

Стоит отметить и такой характерный для создания образа героя ритуал, используемый в Вооруженных силах России, как зачисление навечно в список роты. Согласно уставу РФ, «в начале поверки он [военнослужащий] называет воинские звания, фамилии военнослужащих, зачисленных за совершенные ими подвиги в списки роты навечно или почётными солдатами. При назывании фамилий указанных военнослужащих заместитель командира первого взвода докладывает: «Такой-то (воинское звание и фамилия) пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость Отечества» или «Почётный солдат роты (воинское звание и фамилия) находится в запасе»³³.

В спальном помещении роты или любого подразделения, в списки которого был зачислен герой, обычно выделено отдельное место (кровать и тумбочка), над которым висит портрет и описание поступка, героического действия.

Исключительно почетный акт позволяет создать у личного состава образ территориально и морально близкого героя, когда-то служившего на таких же позициях, как и они сами.

Таким образом, можно сказать, что военно-патриотическое воспитание в российских Вооруженных силах нацелено на создание и персонализацию образа героя среди личного состава. Мероприятия, проводимые с этой целью, разноплановы и отличаются высокой степенью патриотического настроения. Ритуалы и действия способствуют формированию у военнослужащих солдат и матросов, а также офицерского состава чувство гордости за

---

³³ Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 25.03.2015) "Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации" (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации")

принадлежность к своей части, а также к Вооруженным Силам России в целом.

Репрезентация и перцепция концепта врага происходит систематически в ходе патриотическо-воспитательной работы в вооруженных силах. Подробно о формировании концепта врага в сознании военнослужащих в монографии «Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества» говорит Е. С. Сениявская: «Подобное восприятие носит сугубо прагматический характер: в экстремальной ситуации вооруженной борьбы «на взаимоуничтожение» имеет ценность только то, что способствует уничтожению противника, то есть всё, обеспечивающее мобилизацию собственных сил, в том числе и морально-психологических. Эта мобилизация, помимо всего прочего, предполагает непременно возбуждение в массовом сознании сильных негативных эмоций по отношению к противоборствующей стороне, вплоть до чувства ненависти к врагу. Как правило, в их формировании участвует мощный пропагандистский аппарат государства и различные общественные институты, средства массовой информации и т. д.»³⁴.

Опыт взаимодействия с противником нельзя назвать общим для всех военнослужащих, но во время боевых действий в любом воинском коллективе наблюдается тенденция к единому восприятию образа врага, который не всегда близок к тому образу, который пропагандируется для мирного населения. Концепт образа врага реализуется среди солдат и офицеров не столько на уровне идеологического конфликта, сколько на уровне эмоциональных состояний.

Стоит отметить, что для субъекта пропаганды такой тип воздействия достаточно проблематичен к производству, поскольку военнослужащие должны быть крайне устойчивы к психологическому воздействию. Таким образом, существующая в военной среде система формирования образа врага

---

³⁴ Е.С. Сениявская Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. — М., 2006, с. 60.

должна опираться на нечто недвусмысленное в понимании бойца, например, на прагматический опыт.

В то же время важно учитывать, что непосредственные участники боевых столкновений являются носителями уникального опыта контакта врагом. Соответственно, именно их реальные примеры взаимодействия остаются в исторической памяти, культивируются как свидетельства. А установки формирования образа врага, не соответствующие реальности, не имеют столь значительной закреплённости народной и общественной памяти.

Как поясняет Л. Д. Гудков, «механизм формирования исторической памяти общества очень сложен, но «пассионарность» ветеранов войн, их социальная энергетика выплескивается в различных формах, интенсивно формирующих образ военного прошлого, — в произведениях литературы, искусства, кинематографа, в мемуаристике, общественно-пропагандистской деятельности ветеранских организаций и т. д.»³⁵

Репрезентация образов врага и героя в текстах, направленных на аудиторию, непосредственно контактирующую с врагом, должна иметь в себе значительную реалистическую составляющую. Более того воспитание чувств к образам врага и героя должно соответствовать целям, которые ставит перед собой управленческая верхушка.

Таким образом, важно не только применить пропагандистские установки, но, соблюдая интересы власти, удовлетворить потребности аудитории изданий.

На страницах ведомственной прессы читатели ищут рефлексию своего опыта, поскольку он схож с опытом, полученным специальным корреспондентом во время своих командировок в горячую точку.

Можно также сказать, что аудитории необходима своеобразная полярность в положении героев и врагов. Сложности в отношении с командованием (и на местах, и в Москве) в период данной кампании заставляют военнослужащих и милиционеров сомневаться в правильности

---

³⁵ Л.Д. Гудков. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. // Образ врага. М., ОГИ, 2005.с.50.

своих действий. А данная полярность позволяет укрепить в сознании аудитории мысль о необходимости борьбы с боевиками, не акцентируя внимание на позиции высшего командования.

Таким образом, можно говорить, что механизм формирования образа врага имеет обширные глубинные психо-культурные и исторические корни. Данный концепт реализует функции общественного контроля. В рамках русской ментальности проявление концепта может привести к народному подъему и даже всплеску пассионарности. В вооруженных силах, особенно среди непосредственных участников конфликта образ врага не только является базовым в психологической подготовленности военнослужащих, но и представляет наибольший исторический интерес, как форма объективной общественной памяти.

ГЛАВА II. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ВРАГА И ГЕРОЯ

Экстралингвистические и исторические особенности ситуативной реалии основываются на том, что ситуация в информационном пространстве России по отношению к происходящему на Кавказе в период Чеченского конфликта (1994-2009 гг.) является одним из примеров «гражданской» (внутри страны) информационной войны.

Доказательством этому может послужить двойственность позиций двух изданий, которые имели на тот период времени иностранную (американскую) финансовую поддержку. Специализированный журнал «Солдат удачи» придерживался курса на федерализацию Чечни³⁶, в то время как некоторые материалы общественно-политической «Новой газеты» содержали выражение поддержки и сочувствия чеченским сепаратистам³⁷. В свою очередь, представители «Российской газеты»³⁸ поддерживали позицию официальной власти, но при этом могли не актуализировать промахи командования и неудачи федеральных войск. Ведомственной прессе необходимо было достигнуть своей цели – мотивировать военнослужащих к несению службы и создать для них такую информационную повестку, в которой они бы ощущали себя необходимыми своей стране, чувствовали поддержку и понимание, знали, что они защитники, а не захватчики.

В качестве переломного момента для формирования российском в медиапространстве единой позиции по Чеченскому вопросу можно выделить ряд крупных террористических актов и антитеррористических операций в период с 2000 года по 2004 год. В этот период издания, в материалах которых ранее публиковались тексты в поддержку боевиков, выступили против чеченских террористов, несмотря на факт того, что персоналии террористов

---

³⁶ Джерилиевский.Б. Когда растает снег «Солдат удачи» № 1 январь 2000 г. С.5.

³⁷ Свободу потеряли, безопасности не обрели // Новая газета, 28.10.2002 [Электронный ресурс] URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/15108.html>. (дата обращения: 12.05.16)

³⁸ Марков Е.А. Первая Чеченская война в материалах российских СМИ // Теория и практика общественного развития. 2011. №2 С.179-182.

могли совпадать с теми боевиками, сторонниками которых ранее являлись журналисты данных изданий.

Важно отметить, что крупные террористические акты, совершенные до этого периода, не вызывали подобной реакции в средствах массовой информации. На наш взгляд, причины этого феномена сугубо политические: до террористического акта в Москве (взрывы домов 9 сентября и 13 сентября 1999 г.) и ряда других терактов не был принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом». А именно ст. 14 п.2: «При ведении переговоров с террористами в качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов»³⁹. Таким образом, выполняя или частично выполняя требования террористов, государственная власть дискредитировала себя в глазах общества, выступая в качестве неспособной справиться с угрозой терроризма. Как, например, в ситуации теракта в Буденновске (1995 г.), когда во время проведения контртеррористической операции властные структуры приняли решение частично выполнить требования террористов. Также стоит отметить, что возникновение большого общественного резонанса, вызванного широким обсуждением этой трагедии в СМИ, могло кардинально переменить политическую ситуацию и дестабилизировать ее.

2.1. Описание методики исследования

Специфика индивидуальной и коллективной перцепции медиатекста определяется рядом факторов, частично предопределяющих результат воздействия.

---

³⁹ Федеральный закон "О борьбе с терроризмом" от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ, ст. 14.2

Использование методики коннотативного анализа лексики в рамках исторического контекста базируется на изучении письменных источников как источников об историческом знании. В исторической науке с периода появления протописьменности принято обращение к данному типу источников как к основным.

Мы разработали схему анализа механизма перцепции журналистского материала, базирующуюся на коннотативных особенностях лексики заголовочных комплексов.

Заголовочные комплексы можно отнести к элементам текста, расположенным в «сильной позиции». Лексические единицы, употребленные в заголовке медиатекста, привлекают наибольшее внимание читателя и вызывают у него первичную эмоциональную реакцию на прочитанное. Это происходит под влиянием нескольких факторов: главенствующей позиции заголовка по отношению к тексту, усиленной визуальной составляющей при выделении заголовочного комплекса, использования интертекстуальных, интермедиальных и иных гипертекстовых составляющих для привлечения внимания к этому фрагменту текста.

Являясь малоформатными, тексты заголовков позволяют реализовать весь семантический потенциал за счет феномена компрессии смыслового компонента лексики. Заголовок является своего рода предтекстом, во многом определяющим перцепцию текста. Таким образом, можно говорить о том, что ассоциативный ряд заголовка реализуется в тексте.

Н. Л. Игнатова⁴⁰, исследуя семантическое пространство газетного заголовочного комплекса, выявила, что вопрос восприятия медиатекста необходимо рассматривать через призму восприятия заголовочного комплекса с учетом субъективного семантического пространства для

---

⁴⁰ Игнатова Н. Л. Особенности восприятия заголовочных блоков региональных газет молодежной аудиторией // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №74-1. [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-voSPIriatiya-zagolovochnyh-blokov-regionalnyh-gazet-molodezhnoy-auditoriey> (дата обращения: 04.04.2017).

описываемого в медиатексте объектного поля. Также Ф. С. Рагимовой⁴¹ было проведено исследование ассоциативного связепорождения на основании перцепции элементов заголовочного комплекса как способа создания яркого экспрессивно-стилистического эффекта.

Семантическое поле заголовочного комплекса реализуется через коннотативно окрашенные лексические единицы. Мы будем рассматривать коннотацию как открытую систему добавочной информации, проявляющейся у значения слова в зависимости от коммуникативной ситуации и базирующейся на социально-психологической природе данного феномена. Принцип открытости коннотации как системы позволяет нам говорить о возможности возникновения добавочных эмотивных смыслов у лексической единицы.

Для нас важным является изучение коннотации с точки зрения психолингвистического и, собственно, лингвистического направлений для анализа особенностей коннотативного значения лексических единиц. Психолингвистический подход предполагает анализ феномена коннотации с позиции ассоциативной и эмоциональной организации речи. В самом по себе лингвистическом подходе можно выделить три ответвления. В первом случае коннотацией принято называть экспрессивные, оценочные и стилистические добавочные элементы значения слова. При втором подходе принято говорить о выражении при помощи коннотации прагматического значения как авторской оценки речи. Лексикологическое направление предполагает изучение способов создания экспрессивного добавочного значения лексических единиц.

Для исследования структуры коннотации лексической единицы в рамках коммуникативной ситуации мы вслед за Е. М. Сторожевой⁴² выделим

---

⁴¹ Рагимова Ф. С. Канонический способ актуализации прецедентного высказывания // Вестник КемГУ . 2008. №1. С.45-50.

⁴² Сторожева Е. М. Коннотация и ее структура. Челябинск, 2007. с.84

в качестве изучаемых категорий внутриязыковые и внешнеязыковые элементы коннотации.

К первым можно отнести элементы, связанные с восприятием слова в связи с развитием языковой системы. Они делятся на диахронические и мотивационные (синхронические). К внешнеязыковым, в свою очередь, относятся экстралингвистические факторы, характеризующие элементы общения (ситуация речи, перцепция, оценка). Также к внешнеязыковым компонентам исследователь относит «психологические, социальные (или, как мы предлагаем их назвать, идиомные), функционально-стилистические и национально-культурные» компоненты.

Таким образом, можно говорить о своеобразной схеме анализа перцепции заголовочного комплекса медиатекста, базирующейся на коннотативных значениях ключевой лексики текстовых фрагментов. Выделим элементы этой схемы:

1. Элементарный семантический анализ всего текста, то есть выделение общей темы материала.
2. Выделение ключевых лексем в заголовочном комплексе. К таким лексемам можно отнести семиотически значимые языковые единицы, слова, привязанные к ситуации, отраженной в тексте (место действия, специфика действия). Для некоторых форматов изданий данные лексем являются основой языковой игры в заголовке.
3. При дальнейшем рассмотрении данных лексем перспективно выделить внутриязыковые и внешнеязыковые элементы коннотации.
  - 3.1. При выделении внутриязыковых элементов стоит рассмотреть входит ли языковая единица в активный запас лексики, является ли ее употребление свободным, а также определить в каком значении употреблено данное слово в рамках заголовочного комплекса. Выделение всех этих особенностей

употребления лексемы позволяет более ясно определить ее коннотативную окраску.

- 3.2. При оценке внешнеязыковых признаков необходимо определить тип лексики, к которому относится языковая единица. Так частота и значение при употреблении данного слова в речи и на письме позволит более точно оценить степень как эмоционально-экспрессивного, так и эмоционально-оценочного компонентов коннотации.
4. При оценке компонентов коннотации стоит учитывать особенности языкового поведения читателей, например, национально-культурный контекст. Интересной представляется оценка национально-культурного контекста на базе социологических исследований.
5. Необходимо проследить ассоциативный ряд, который связывает выделенную эмоционально-экспрессивным и эмоционально-оценочным компонентами коннотации лексему с главной темой всего журналистского материала.

Таким образом, у читателя при перцепции текста формируется устойчивый образ описываемого явления или объекта, обладающий соответствующей коннотации лексемы эмоциональной окраской и оценкой.

2.2. Коннотативный анализ лексики заголовочных комплексов

Для детального анализа нами были отобраны заголовочные комплексы из сборника «Спецназ. Любите нас, пока мы живы», подобранные методом сплошной выборки. Для нас представляли интерес заголовки, содержащие указание на исполнителя действия (собственно, героя или врага).

Проанализируем заголовки, содержащие в себе ключевую лексику «волк»: *«Это звезды или волчьи глаза?»*; *Чьи это волки воют?*; *Волки и охотники.*

Некоторые элементы анализа лексемы *волк* целесообразно будет описать сразу для всех трех заголовочных комплексов. С точки зрения внутриязыковых компонентов коннотации данная лексическая единица входит в активный запас лексики. Лексическое значение данного слова можно определить как свободное. При этом существует вариант использования автором синтагматического значения данной лексемы для отображения его семантической дистрибуции.

Внешнеязыковой анализ компонентов коннотации слова *волк* указывает на то, что оно относится к общеупотребительной лексике.

Первый в сборнике текст озаглавлен цитатой из стихотворения Ивана Бунина «*Это звезды или волчьи глаза?...*». Поскольку мы говорим о валентности лексемы *волк* в интерпретации автора, то значение контекста самого стихотворения отходит для нас на второй план. В лирических отступлениях В. Н. Носков анализирует взаимоотношения Российской Империи и Кавказа, а также «дудаевскую пропаганду», основанную на теме исторической памяти чеченского народа.

Так контекст лексемы указывает на укорененность ее в сознании как чеченцев, так и российских военных. Впрочем, чеченский волк в тексте не выглядит опасным врагом, скорее, он обманут своей властью. Так коннотация лексемы *волк* хоть и приобретает добавочное значение «противник», но ассоциируется не с сильным хищником, а скорее с бандитом.

Эта же лексема является отражением смысловых взаимоотношений в следующем, взятом нами для анализа заголовочном комплексе, *Волки и охотники*. В этом тексте автор рассказывает об антагонистах, конкретной боевой группе – курганском СОБРе, «охотниках», и дудаевских боевиках, «волках». Лексема *волк* получает устойчивую связь со словом *охотник*, что позволяет говорить о разворачивании нового контекста – явного противостояния, которое отображается при помощи синтагматического значения лексем, что является появлением критических полюсов коннотативной валентности, где у лексемы *волк* максимально негативная коннотация, а у лексемы *охотник*, напротив, положительная.

Чьи это волки воют? – заголовок текста про напряженную ситуацию на границе Чечни и Дагестана. Здесь название поясняется следующим текстовым фрагментом: *в ночь с 29 на 30 декабря 1997 года на границе Чечни и Дагестана, подражая волкам, истошно выли боевики*. Данный фрагмент придает особое значение исследуемой лексеме – использование такого яркого сравнения добавляет коннотации лексемы *волк* большой эмотивный компонент, который активно считывается при перцепции данного негативного образа.

Таким образом, на базе социального мифа чеченского народа в интерпретации В. Н. Носкова лексема *волк* приобретает негативную коннотацию и становится одним из ключевых референтов в перцепции образа врага – чеченского боевика.

Рассмотрим наиболее показательные заголовочные комплексы, содержащие коннотативные элементы, позволяющие создать референт героя или врага.

Например, *Позывной: «Афганец»*. Текст посвящен офицеру российской армии, ранее участвовавшему в афганской военной кампании. Герой текста отличается особой добротой к местным жителям и бережным отношением к личному составу.

К ключевым лексемам в данном заголовке можно отнести оба слова.

Внутриязыковые элементы лексемы *позывной* (сущ.) можно определить так: языковая единица входит в активный запас лексики, ее употребление является свободным. В рамках заголовочного комплекса слово употреблено в прямом значении. Рассматривая внешнеязыковые признаки стоит отметить, что лексема относится к типу общеупотребительной лексики. Данная лексическая единица зачастую относится к профессиональной военной лексике, впрочем, она присутствует, например, и в глоссарии моряков. Учитывая этот факт, мы можем говорить, об употреблении здесь данной лексической единицы в качестве профессиональной лексики.

Лексема *афганец* с точки зрения внутриязыковых элементов коннотации определяется как свободная в употреблении и входит в активный

запас лексики. В рамках заголовочного комплекса она употребляется в значении *ветеран афганской кампании*, которое свойственно для разговорной лексики. Данное значение является общеупотребительным. В данном случае важен исторический контекст использования этой лексемы. Потери советских военных за весь период Афганской кампании не были велики, что говорит о бережном отношении командиров к личному составу⁴³.

Собственно, именно эту отсылку и использует автор, чтобы заключить в заголовке главную мысль текста: «С мыслью о пережитом, о погибших друзьях, живых командирах-афганцах, спасенных чеченских хлебных полях, и если бы был у Владимирского батальона свой, только ему назначенный позывной, то он должен быть только «Афганец». Потому что война прежде всего учит ценить мир»⁴⁴.

Таким образом, мы можем сказать, что лексема *афганец* ассоциируется с понятием *миротворец*. Следовательно, приобретает положительную коннотацию, содержащую явный эмоционально-экспрессивный компонент обеспеченный тем, что лексема употребляется в значении, свойственном для разговорной речи. Для лексемы *позывной* в свою очередь формируется добавочное значение *наименование, которое необходимо заслужить*. Этот пример можно считать проявлением новой семантико-деривационной валентности в рамках одной словоформы лексической единицы *позывной*.

Далее мы рассмотрим заголовочный комплекс *Мир начинается с них*. Общая тема текста: служба для военных в мирное время не менее опасна, чем в военное.

Ключевая лексема текста – *мир*. Внутриязыковые элементы лексемы можно определить так: языковая единица входит в активный запас лексики, ее употребление является свободным. В рамках заголовочного комплекса слово употреблено в прямом значении *мир* как отсутствие войны.

---

⁴³ Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. Москва: Олма-Пресс, 2001. с.90

⁴⁴ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 61.

Рассматривая внешнеязыковые признаки, стоит отметить, что лексема относится к типу общеупотребительной лексики.

Для данной лексемы крайне важен контекст. *Мир* – это цель российских войск в Чеченской кампании. Значит, должен быть актер, который этот мир принесет – российский военный. Использование конструкции *начинается с них* указывает на этого актора – героя.

Интересно отметить, что автор рассматривает службу в мирное время как основу *мира*, то есть без героев достижение *мира* было бы фактически невозможным, что поясняется в фабуле текста.

Так лексема *мир* ассоциируется с неким нестабильным покоем (отсутствием войны), который «завязан» на героев, которые должны поддерживать данное неустойчивое состояние на Кавказе, что говорит об добавочном эмоционально-оценочном компоненте коннотации анализируемой лексемы.

Рассмотрим заголовочный комплекс *Погонщики душ*. Главная тема текста – чеченская пропаганда и осознание ее глупости чеченским боевиком.

К ключевым лексемам в данном заголовке можно отнести лексему *погонщик*.

Лексема *погонщик* с точки зрения внутриязыковых элементов коннотации определяется как свободная в употреблении, и входит в активный запас лексики. В рамках заголовочного комплекса употребляется в синтагматическом значении. Так прямое значение «работник, сопровождающий перегоняемое стадо, гурт скота и т. п.»⁴⁵ транслируется на иную контекстную область – *погонщик* перегоняет человеческие души, управляет и манипулирует ими.

Впрочем, в Национальном корпусе русского языка можно найти соответствующие контексты употребления данной лексемы в тексте Жанна Галиева («Евангелие от Владимира или Сильмариллион по-сорокински (о романе Владимира Сорокина «Лед»)» // «Октябрь», 2003), где автор,

---

⁴⁵ МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981.

используя аналогичное значение данной лексемы, берет ее в кавычки. Таким образом, отсутствие кавычек в исходном тексте определяет авторский замысел и указывает на эмоционально-экспрессивный компонент в использовании лексемы.

Погонщик как герой текста (манипулятор и агитатор) ассоциируется для читателя со священником, поскольку он воздействует на души. Но специфика прямого значения лексемы в сочетании с ее синтагматическим значением дает нам новое значение, ассоциативная цепочка *погонщик* – *священник* порождает ассоциации *души* – *скот*. Отсюда *погонщик* – это ненастоящий, ложный священник, ведь душа не может быть равна скоту. И ценности погонщика, соответственно, ложны. Так коннотативная окраска данного слова становится крайне негативной, и данная лексема определяет референт врага как ложного священника, манипулятора и агитатора.

Проанализируем заголовочный комплекс *Люди-деревья против людей-змей*. Тема текста неизбежность смерти на войне при снайперской атаке (для обнаружения снайпера должен погибнуть хотя бы один боец).

В качестве ключевой лексемы в заголовочном комплексе выступает слово *против*. Люди-змеи и люди-деревья, как поясняет контекст, это боевые группы: боевой отряд против снайперской пары.

Внутриязыковые элементы лексемы можно определить так: языковая единица входит в активный запас лексики, ее употребление является свободным. В рамках заголовочного комплекса слово употреблено в прямом значении. Рассматривая внешнеязыковые признаки, стоит отметить, что лексема относится к типу общеупотребительной лексики.

Для данной лексемы эмоционально-экспрессивные компоненты коннотации проявляются через контекст. Само противостояние людей-змей с людьми-деревьями пронизано неизбежностью смерти, несмотря на то, что в фабуле текста представлен сюжет учений, а не реального боя. Так возникает ассоциативный ряд *против* – *противостояние* – *противник* – *смерть*, который мы упрощаем до добавочного значения лексемы. Так у лексемы

против проявляется негативная коннотации, с добавочным эмотивным компонентом войны и смерти.

Рассмотрим заголовок *Конный разъезд на Тереке – реке времен*. Основная тема текста – специфика взаимоотношения современного поколения терских казаков и чеченцев на другом берегу реки.

Ключевые лексемы текста – *река времен*. Для данных лексем характерны следующие внутриязыковые признаки: языковые единицы входят в активный запас лексики, их употребление является свободным. В рамках заголовочного комплекса слова употреблены в синтагматическом значении. Впрочем, здесь возможно предположить, что лексема *река* употреблена в прямом значении, но приобретает добавочное синтагматическое значение. Рассматривая внешнеязыковые признаки, стоит отметить, что лексемы относятся к типу общеупотребительной лексики.

Анализ контекста показывает, что сочетание слов *река времен* может интерпретироваться различными способами. Существует вариант интерпретации, основанный на исторической преемственности, то есть новая конная милиция по сути тождественна с терскими казаками, которые служили Российской империи. Другой вариант интерпретации содержится в финале очерка: «по кому война больше прошла – по тем, кто в тревоге ждет-пождет бандитского нападения, или по тем, кто живет работорговлей, кражами скота, браконьерством, получая от своих декларируемых врагов-россиян бесплатный электрический свет и гуманитарную помощь...»⁴⁶. Таким образом, *река времен* – это еще и двойственность социальной справедливости на протяжении времен: чеченцы берут чужое силой, а казаки живут по совести.

Лексема *река* ассоциируется с течением *истории*. Коннотативный компонент лексем является эмоционально-оценочным, содержит авторскую оценку. Дополнительное значение лексемам придет контекст исторической памяти.

---

⁴⁶ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 101.

Заголовок *Не предали имя свое* предшествует тексту, главная тема которого – самопожертвование дагестанских милиционеров.

Ключевая лексема заголовка – *имя*. Внутриязыковые элементы лексемы можно определить так: языковая единица входит в активный запас лексики, ее употребление является свободным. В рамках заголовочного комплекса слово употреблено в значении *репутация*. Лексема относится к типу общепотребительной лексики.

Анализ фабулы текста позволяет вычленить героев, которые собственно *не предали имя свое*. Герои текста приняли мученическую смерть от рук чеченских боевиков из-за своих представлений о чести и долге. Как поясняет автор в тексте, «банды Радиева и Хаттаба нацелены на войну за вытеснение России с Кавказа. Они убивают наших лучших людей»⁴⁷. Так ассоциативный ряд для лексемы *имя* представляется следующим *имя-герой-честь и долг-защитник*. Таким образом, лексема *имя* при ситуативном анализе приобретает эмоционально-оценочный компонент коннотации.

Проанализировав ряд заголовочных комплексов на предмет эмоционально-экспрессивного или эмоционально-оценочного коннотативных компонентов лексики, мы пришли к выводу, что данные компоненты позволяют увеличить перлокутивный эффект от текста. Важная особенность эмоционально-экспрессивного или эмоционально-оценочного коннотативных компонентов лексики, употребляемых В. Н. Носковым в заголовочных комплексах, – наличие в них тематического компонента исторической памяти, что позволяет создавать систему образов, исходя их обширной исторической базы (Кавказские войны, Афганская кампания, Великая отечественная война). Автор стремится уже в заголовочном комплексе побудить читателя к эмоциональному сопереживанию, оценке хороших и плохих поступков героев и врагов.

---

⁴⁷ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 480

2.3. Лейтмотивы в изображении образа героя в текстах очерков В. Н. Носкова

Эмпирический анализ позволяет выделить несколько основных мотивов, используемых в создании образа героя. К ним можно отнести темы самопожертвования, веры, памяти погибших.

Рассмотрим ряд примеров, в которых прослеживаются тенденции в репрезентации образа героя-военного в текстах.

«Каким должен быть водитель экстра-класса в горячих точках? Исполнительным, надежным, смелым. Таким качествам Михаил соответствовал сверх меры»⁴⁸. Такое описание погибшего бойца, записанное со слов его командира, создает впечатление надежности российской армии, воюющей на территории Чечни. Автор использует ряд эпитетов, к которым добавляется парцелляция. Такой стилистический прием позволяет выделить этот текстовый фрагмент среди всего текста.

«Боевые друзья показывали мне фотоснимки, на которых Миша выделялся светлой, грустной улыбкой. Словно Михаил что-то предчувствует и поэтому на лице особая печаль — как бы прощание со всеми нами. Рассказывая о гибели Миши, омовцы не раз говорили, что он спас им жизнь»⁴⁹. Герою свойственно особое мироощущение, он как бы предчувствует свою гибель. Сослуживцы же все время «оглядываются» на героя, стараясь быть достойными его.

Особую роль в создании образа героя имеет описание отношений офицер – подчиненный. Взаимоотношения между командиром и бойцами в тылу и на войне сильно разнятся, и в критической ситуации командир превращается в человека, задача которого не только разбить врага, но и не допустить боевых потерь. «Еще бойцы посетовали, что сейчас в отъезде их любимый командир: подполковник милиции Матросов Геннадий Николаевич.

---

⁴⁸ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 407.

⁴⁹ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 411.

Там, в Липецке, в ОМОНе он заместитель по тылу, а здесь, в командировке, не только их непосредственный начальник, а просто-напросто «батя», за которым они как за каменной стеной»⁵⁰. «Он всё равно находит время побеспокоиться о родных шумиловцах, к которым строг, но которых любит, как сыновей»⁵¹.

Образ офицера-отца внушает спокойствие родным и близким военнослужащих. Стоит отметить, что при таком подходе возникает настоящее (искреннее) уважение командира, как его подчиненными, так и всеми, кто о нем знает.

В текстах присутствует еще один мотив, дополняющий образ героя. Мужчина, который совершает подвиг, выделяется в жизни не только этим поступком, он всю жизнь живет правильно, например, помогает слабым и хорошо делает свою работу.

«... с грустью рассказывает о старшем сержанте Богословском как о человеке очень трудолюбивом и добром.

— Получив «Урал», Миша поменял колеса, сделал над кузовом тент из дерева, обил его железом. Первые дни командировки он возил людей и занимался ремонтом техники, а на девятый день погиб»⁵².

Герой в текстах В. Н. Носкова выделяется особым благородством: «Разыскивая снайпершу, на совести которой десятки загубленных солдатских жизней, Олег мог отдать «сухпай» голодной, брошенной дочке этой женщины»⁵³.

В текстах также часто встречаются описания военного, как боевой единицы, которые направлены на создание образа сильной и боеспособной армии, где каждый солдат и офицер готов на подвиг.

---

⁵⁰ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 418.

⁵¹ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 288.

⁵² Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 409.

⁵³ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 325.

«Омоновцы Липецка — тренированные, немногословные, уравновешенные воины с боевым опытом. В их дружной среде нет отказчиков: они не первый раз на Северном Кавказе и терпеливо выносят пограничную, политическую неразбериху»⁵⁴. «А пилоты и инженерный состав вертолетного подразделения, живя на лезвии ножа, не страдая афганским и чеченским синдромом, перешучиваются»⁵⁵. В описании автора все бойцы выглядят своеобразной элитой российской армии, которые всегда готовы к бою морально и физически. Стоит отметить, что в описании бойцов автор использует номинацию «воин», которая близка к книжной лексике, что определенным образом возвышает этих людей над обыденностью войны. Автор дает массовый портрет, на котором каждый и все вместе совершают одни и те же действия, обладают одинаковым набором качеств. Каждый, кто находится на войне — герой. Это заставляет читателей ведомственной прессы глубже проникаться передаваемыми идеями, стараться быть похожими на героев из произведений.

Важным является мотив причастности народа к войне: «Противостоя экстремизму и терроризму, МВД России все больше и больше опирается на народ, желающий защитить Отечество от уголовного беспредела. Это правильно. Своевременно. Только на этом пути успех»⁵⁶. Автор говорит о людях, живущих на границах с Чечней как о едином народе, который готов вступить в войну с чеченцами. Здесь, на территории, где ощущается война, появляется желание «народного ответа». Так автор приводит в пример казачьи дружины, которые от имени МВД контролируют порядок в регионе.

«Капитан смотрел на Хусейна, который теперь шел впереди, и сочувствовал его духовным терзаниям: желанию солдата во что бы то ни стало найти Радуева, чтобы отомстить за смерть брата, погибшего при освобождении заложников в дагестанском селе Первомайское в январе 1996 года, мечтам разгромить лагеря Хаттаба, а его самого судить международным

---

⁵⁴ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 365.

⁵⁵ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 448.

⁵⁶ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 430.

судом, где были бы названы и доказаны все грехи этого человека, повинного в смерти родных Хусейну людей»⁵⁷. Один из типов героев у Носкова обладает личной заинтересованностью в победе над врагом, сверхзадачей, которая заставляет его идти вперед и побеждать. В тоже время, отсылка к погибшим близким сближает читателя с героем.

«Солдатик с виду неприметный. Служит недавно. Не ожидал, что он будет действовать так уверенно. ... Снайпер под огнем минометов, скрытно передвигаясь, появился на КП первым. И, увидев гранатометчика на той стороне рукава Терека, сразу открыл огонь. Боевик, видно, думал, что на заставе все залегли. Дескать, паника... Никакой паники не было»⁵⁸. Герой должен отличаться от обычного человека, гражданского. Автор представляет героя как человека, твердого, решительного, не паникующего в критических ситуациях, мастера своего дела, даже если он не «матерый военный».

Также необходимо обратить внимание на особенности репрезентации Второй чеченской кампании в отображении темы Бога. Например, из текстового фрагмента: «в моздокском военном госпитале реанимация — это святая святых. Здесь днем и ночью помогают Богу врачи и медсестры»⁵⁹, — можно сделать вывод, что для автора Бог может существовать только в госпитале, на поле боя герой пользуется своим профессионализмом и мужеством.

«Армия и внутренние войска, милицейские подразделения России были заложниками политического решения о классификации боевых действий в Чечне как конфликта низкой интенсивности, за чем последовало противодействие противнику ограниченными боевыми средствами»⁶⁰. В многих текстах В. Н. Носкова прослеживается негативное отношение к политикам. По его мнению, они действуют во вред армии.

---

⁵⁷Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 515.

⁵⁸ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 463.

⁵⁹Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 352.

⁶⁰Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 295.

Автор причисляет героя к категории избранных, не таких как все, экстраординарных людей. Как и любой выдающийся человек, герой должен существовать в специальной социальной реальности. Он может быть восхваляем одними группами, но не понят другими. Таким образом, герой не находит своего места в социальной иерархии, что окончательно закрепляет его в качестве героя вне повседневной жизни, лишь только на войне. Герой – всегда жертва. Его геройский поступок – принесение в жертву себя. Демонстрируя свою силу, он оказывает слаб, его сила и есть его слабость. Это диалектическое противоречие.

«Стиснув зубы от горечи, проклиная предателей, офицеры и бойцы — шумиловцы уходили из Чечни, клянясь вернуться. И они вернулись как освободители, разметав преступные бандформирования»⁶¹, Часто, герои автора участвовали еще в Первой чеченской кампании, в которой приобрели достаточный опыт боевых действий. Они обрели на этой войне свой определенный «смысл жизни» и готовы вступить в «борьбу со злом» не столько по приказу, сколько по собственному желанию.

Основываясь на анализе текстов можно выделить основные качества, из которых формируется образ героя в произведениях В. Н. Носкова:

1. Русской ментальности характерен массовый героизм, именно поэтому автор описывает всех военных российских Вооруженных сил, как героев. Все как один, все обладают стойкостью, мужеством. Портрет большой организации, где каждый участник в своем героизме не отличим от другого.
2. Отношение к потерям, представление погибших достойными гражданами, наличие мотива «оказаться достойным памяти погибших».
3. Самопожертвование, стремление исполнить долг любой ценой. Использование прямой номинации «герой» относительно сослуживцев, но не себя.

---

⁶¹ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 433.

4. Элементы довоенной жизни представлены исключительно мелкими деталями. Герой существует только в военное время.
5. Лейтмотив мести. Но наказание определяется с помощью закона, а не самосудом.
6. Работа на будущую победу.
7. Военный мистицизм. Герои предчувствуют свою смерть. Вне поля боя – главный Бог. В больницах врачи не спасают жизни, а лишь помогают в этом Богу.
8. Герои не только военные, но и все те, кто способен им помочь.
9. Есть тенденция «народного ответа», но только там, где чувствуется война.

2.4. Лейтмотивы в изображении образа врага-чеченца в текстах очерков В. Н. Носкова

Эмпирический анализ позволяет выделить несколько основных мотивов, используемых в создании образа врага-чеченца. К ним можно отнести использование негативной коннотации «бандит», обращение к символам и мифологемам врага, употребление непривычных номинаций, не имеющих ассоциативного ряда в русском языке.

Рассмотрим ряд примеров, в которых прослеживаются тенденции в репрезентации образа чеченского боевика и бандформирований.

«О противнике — чеченских спецназовцах и боевиках — командиры 6-го и 8-го отрядов говорят, что «нохчи» бегают по горам, как олени, что подготовка у них нормальная. Воюют чеченцы здорово. Экипированы прилично, часто боевики одеты в турецкую «гуманитарную помощь»⁶².

В данном фрагменте отмечается реальное признание уровня сил противника. Автор включает множество деталей, которые для

---

⁶² Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 57.

военнослужащих являются значимыми в ходе боевых столкновений. Например, рассказывает про методы «работы» чеченских боевиков, их экипировку. Хотя в отрывке и демонстрируется, что материальная обеспеченность наших войск может уступать обеспеченности боевиков, контекст указывает на превосходство бойцов федеральных войск, поскольку они «захватили снайпера», а не, например, смогли познакомиться с этим оружием будучи в чеченском плену.

Самое важное в данном фрагменте – использование чеченской номинации «нохчи». Для чеченцев данная самономинация является одной из самых значительных в системе самоидентичности чеченского народа в процессе борьбы с попытками покорения Кавказа. Более того, «нохча» в чеченском языке еще и обращение к значимой религиозной мифологеме, где «нох» имя пророка Ноя на нахском языке, а «чи» - люди⁶³. Однако, стоит отметить, что данная номинация на протяжении всего содержания книги используется только один раз.

Таким образом, можно говорить, что автор, репрезентует образ врага, как сильного и материально подготовленного противника, способного к серьезной борьбе. Впрочем, стоит отметить, что все эти факты мы узнаем в косвенной речи от непосредственных участников боевых действий.

Самым действенным методом в создании образа врага является описание жестокости его действий по отношению к мирному населению. Для русского военнослужащего концепт «защитника» является первостепенным. Однако в период локальных кампаний возникают трудности с разделением врагов и мирных жителей на территории горячих точек. Впрочем, данная проблема в ходе чеченских кампаний решилась возведением тождества между понятиями «враг» и «бандит».

Подобное можно наблюдать в следующих текстовых фрагментах: «Пошли мы на пасеку. Из всех ульев вылетают пчелы, а из одного нет. Вскрыли. Там два автомата, две гранаты «Ф-1» и заряд к РПГ. Хозяин пасеки

---

⁶³ Проект «Эрда» [Электронный источник] URL://erde-akraman.livejournal.com/1257.html
Дата обращения 18.10.15

упал на колени: «Не забирайте оружие. Оно чужое. Придут боевики, зарежут за то, что не сумел сохранить!»

— Таких случаев много, боевики прячут стволы у безобидных людей»⁶⁴.

Такие ситуации в реалиях гражданской войны не редкость, и зачастую, это усложняет ведение боевых действий. Враг, формально «подставляющий» народ, за который воюет, выглядит еще более подлым, что вызывает значительный эмоциональный отклик у военнослужащих не только по отношению к боевикам, но и к мирным жителям.

Результатом подобных действий служат проводимые войсками «зачистки», по итогам которых правозащитные организации лояльные к боевикам публикуют материалы, порочащие действия военнослужащих в глазах общественности. Это накаляет информационный конфликт и увеличивает разрыв в перцепции образа «врага» военным и мирным населением.

Стоит отметить образ волка как отличительную особенность чеченских боевиков. Волк является национальным символом чеченского народа: «Волчья атрибутика» в фольклоре и эпосе чеченцев далеко не случайна. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в чеченском языке мы обнаруживаем странное слово «берзлой», которое обычно на другие языки переводят как «волки». Действительно, слово «волк» на чеченском звучит как «борз», а «волки», соответственно, «берзлой». Нет в природе ни одного другого животного, кроме волка, к названию которого чеченцы добавляли бы ставшее суффиксом древнейшее слово «лой», означающее буквально «люди». Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: эпитетом «берзлой» чеченцы обозначают, как правило, людей, бойцов, проявивших высшую воинскую доблесть⁶⁵».

---

⁶⁴ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 64.

⁶⁵ История народа Нохчи [Электронный источник] [URL :www.nohchidu.com/dri/nsi/lv.html](http://www.nohchidu.com/dri/nsi/lv.html) (дата обращения: 15.10.15)

Именно это можно наблюдать в следующем текстовом фрагменте о моральной подготовке боевиков:

« — Вы безжалостные волки! — внушал своим людям Ваха. Слыша это, Ислам, двадцатилетний деревенский парень, больше гордо не вскидывал голову»⁶⁶.

Впрочем, есть иное представление данного символа в текстах. В авторской интерпретации этого образа можно отметить негативные коннотации. В. Н. Носков даже вводит в очерк элементы анализа образа для репрезентации всей общности чеченских боевиков.

«Волк — национальный знак? Кому в мире это понравится? Все знают, что у волка не бывает друзей другого рода и племени. Он потаен, скрытен, предательски коварен. Волк — древнеязыческий тотем. Несчастливые люди те, кто живет под таким символом. Решиться на такой государственный флаг означало избрать для своей страны одиночество. Вот что значит не думать о своих соседях. Волки отбирают то, что им не принадлежит. Небывалое горе, когда на знамени народа — волк, проклятый в детских сказках и снах. Избрать его своим символом могли только ослепленные люди»⁶⁷.

Обращение в тексте к вопросу религиозного контекста использования тотемного символа выводит нас на рассмотрение еще одной важной составляющей концепта «образа врага» – религиозного разделения.

Чеченская кампания со стороны боевиков идеологически представлялась не только как война за независимость, но и священная война – Джихад («Или, более точно: слово «джихад» означает законное, насильственное, совместное усилие увеличить размеры территорий, управляемых мусульманами, за счет территорий, управляемых немусульманами⁶⁸»).

---

⁶⁶ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 202.

⁶⁷ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с.208.

⁶⁸ «Самоубийство ради Джихада. Угрозы» Jerusalem Post, 27 July 2001. On the issue of suicide vs. martyrdom. Перевод с английского Анатолия Курицкого
URL: <https://www.meforum.org/topics/39/suicide-terrorism> (дата обращения 18.10.15).

В репрезентации образа врага автор обращается к описанию случаев жестокости врага по отношению к иноверцам. Таким образом, один из базовых столпов русской ментальности, православие, претерпевает страдание от врагов. Этот подход выявляет новые грани концепта «образа врага» — «религиозный враг».

«Дудаевские пропагандисты более активно заговорили о джихаде — священной войне против неверных.

Первой жертвой боевиков в ноябре 1995 года стал отец Александр. Он проживал в однокомнатной квартире на втором этаже. Ворвавшись к нему посреди ночи, бандиты несколько часов избивали священника. Потом облили его бензином, собираясь сжечь заживо»⁶⁹.

История аналогичная этой рассказывается и про отца Сергия и иерея Анатолия. Поэтому можно говорить о религиозной составляющей в рамках концепта формирования образа врага в сознании военнослужащих.

В исследуемом сборнике следует выделить один очерк «Погонщик душ», посвященный чеченскому полковому командиру Вахе и его подчиненным. В данном тексте одновременно репрезентуется и портрет конкретной личности врага и описывается социальная общность, с которой предстоит сражаться военным.

В очерке отражен конфликт Вахи и его подчиненного Ислама. Образ Вахи демонстрирует презрение к интересам его подчинённых. Он совершает грабежи, оправдывая свои действия мстью неверным. Ислам же разочарован в войне, не видит за ней реального разрешения конфликта. К финалу текста боевик Ислам осознает, что пропагандистские идеологические установки, которыми руководствовался Ваха, бессмысленны в ходе разрешения конфликта интересов чеченцев и русских.

Таким образом, у читателя должно создаваться впечатление зыблемости вражеской идеологии, сомнения в единстве чеченского народа их целях и средствах.

---

⁶⁹ Носков В.Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, 2007, АСТ, Астрель-СПб, с 304.

Стоит отметить, что идеологически-пропагандистская составляющая в публицистике В. Н. Носкова отсутствует. Это можно объяснить сложной общественно-политической ситуацией на территории России в 1990-е годы.

Исходя из анализа публицистических очерков В. Н. Носкова, можно сделать вывод, что в ведомственной прессе концепт образа врага во время Чеченской кампании базируется на следующих тезисах:

1. Враг-чеченец сильный и опасный противник, стоит внимательно оценивать его реальную мощь. Специфика врага-чеченца – готовность к самопожертвованию и значительная материальная обеспеченность.
2. Нельзя поддаваться романтизации образов врага (например, образа волка), стоит толковать подобные символы как подсказку к поведению врага, а не быть «запуганным» надуманным символом;
3. Враг ведет не только идеологическую, но и религиозную борьбу;
4. Для боевиков мирное население не является ценностью, они не защищают его;
5. Ценности врага, даже религиозные, зыблемы и легко поддаются разрушению;
6. Нельзя поддаваться на пропаганду врага.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепты врага и героя являются одними из ключевых в реализации пропагандистских целей во время вооруженных столкновений. Принципы формирования образов врага и героя базируются на социальной мифологии, историческом и культурном опыте и особенностях ментальности.

В первую очередь, исторические практики демонстрируют, что феномен героя позволяет поддерживать патриотические настроения внутри Вооруженных сил и за их пределами, то есть среди гражданского населения, а феномен врага позволяет осуществлять контроль над общественными настроениями, манипулировать ими. Для военнослужащих и участников боевых действий образ героя важен для реализации непосредственных боевых задач, как наглядный пример храбрости и мужества. Ментальность русского человека является плодотворным полем для репрезентации образа врага. На почве русской ментальности образ врага может стимулировать не только единичную реакцию личности, но и некоторое проявление пассионарности или единения всей русской общности. Для военнослужащих и участников боевых действий образ врага имеет значение на ином уровне, чем для мирных жителей. Поэтому необходима особая система репрезентации этого образа. Также именно участники вооруженных конфликтов являются носителями объективной общественной памяти о враге.

Нацеленность на конкретную группу читателей определяет подачу материала в целом и репрезентацию образов врага и героя в частности. Цель ведомственной прессы – мотивировать и мобилизовать свою аудиторию, при этом оставаясь в некой зоне комфорта читателя, создавая для него ощущения понимания и поддержки.

Для ведомственной прессы характерна репрезентация образов врага и героя через использование эмоционально-экспрессивного или эмоционально-оценочного коннотативных компонентов лексики, что позволяет увеличить перлокутивный эффект от текста и ведет к не только к успешной перцепции текста, но и является мотивирующим элементом для аудитории. Так уже в

заголовочных комплексах автор дает оценку персонажам и их действиям, выражает свои эмоции по отношению к происходящему на войне.

Можно отметить следующие тенденции в репрезентации образа героя в ведомственной прессе за период Чеченской кампании: характерен массовый героизм, именно поэтому автор описывает всех военных российских Вооруженных сил как героев, обладающих стойкостью и мужеством. Армия и МВД выступают в текстах как единая организация, представители которой борются не только с врагом, но и с собственным командованием. Но несмотря на эти трудности, солдаты и офицеры никогда не подводят при исполнении боевых задач и всегда готовы к подвигу.

Главными мотивами в репрезентации образа героя являются следующие: мотив «оказаться достойным памяти погибших», самопожертвование, стремление исполнить долг любой ценой.

Таким образом, следует отметить, что репрезентация образа героя в текстах, которые направлены на аудиторию, участвующую в военном конфликте или приближенную к нему, предполагает в первую очередь элементы веры в героя и ту организацию, которую он представляет (вооруженные силы, медики, МВД). Во-вторых, проявление уважения к погибшим и раненым. В-третьих, репрезентация образа героя должна вызывать желание у массовой аудитории подражать героям – стимулировать «народный ответ».

В свою очередь, образ врага в ведомственной прессе представлен уничижительно: противник выглядит слабым и неподготовленным; ценностные ориентиры врага – не защита Родины, а интерес к наживе; враг больше похож на животное, чем на человека. Результаты анализа показывают, что в ведомственной прессе враг предстает перед аудиторией издания подлым бандитом.

Так основные характерные черты образов врага и героя органично вписываются в специфику восприятия военного конфликта аудиторией изданий и при этом являются средством управления читателями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Brian Stewart Hook. Heroism and the Christian Life: Reclaiming Excellence. — Louisville, Kentucky: Westminster John Knox Press, 2000.

2. Акопов С. В., Прошина Е. М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до теории «далеких местных» // Власть . 2011. №01. с.89-92.

3. Алефиренко Н. Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2008.

4. Апресян Ю. Д. Избранные труды – М. 1976.

5. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. Серия "Лингвистическое наследие XX века". Изд.2, 2004.

6. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

7. Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Проблемы индивидуального и коллективного разума / Под ред. В. Н. Келасьева. СПб., 1998.

8. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. – М, 1989.

9. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография : Избр. тр. / В. В. Виноградов ; Отв. ред. [и авт. предисл.] В. Г. Костомаров, М. , 1977.

10. Воеводина Л. Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия // Вестник МГУКИ. 2012. №1 (45). [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mifologicheskogo-obraza-i-sotsialnaya-dramaturgiya> (дата обращения: 03.06.2016).

11. Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон»., 2003.

12. Волкогонов Д. А., Психологическая война (подрывные действия империализма в области общественного сознания) М.: Воениздат, 1983.

13. Гладкая Е. А., Заварухина О. А. Роль «образа врага» в русском менталитете // Научные дискуссии о ценностях современного общества . 2015. №7. С.39-46.

14. Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914-1918 гг. Рязань, 2011.

15. Гудков. Л. Д. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. // Образ врага. М., ОГИ, 2005.

16. Джерилиевский.Б. Когда растает снег «Солдат удачи» № 1 январь 2000 г. С.5-8

17. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка Дмитриева, М.,2003

18. Дукельский В.Ю. Скажи мне, кто твой враг // [Электронный источник] Сайт «Институт культурной политики». URL:// www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html. (Дата обращения 15.10.15)

19. Загороднов Д. Г. Классификации новостных заголовков в интернете в масштабах провинциального мегаполиса // Вестник ЧелГУ . 2011. №10. С.48-51.

20. Иаков (черноризец) // Русский биографический словарь: в 25 томах. — СПб.—М., 1896—1918.

21. Ивашкевич И. Н. К вопросу о когнитивной природе восприятия и его отражении в семантике слова // Знание. Понимание. Умение. М.,2012.

22. Игнатова Н. Л. Особенности восприятия заголовочных блоков региональных газет молодежной аудиторией. Спб, 2008.

23. Игнатова Н. Л. Особенности восприятия заголовочных блоков региональных газет молодежной аудиторией // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №74-1. [Электронный источник] URL: <http://>

cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozpriyatiya-zagolovochnyh-blokov-regionalnyh-gazet-molodezhnoy-auditoriey (дата обращения: 04.04.2017).

24. Ильин И.А. О грядущей России : избр. статьи / Под ред. Н.П.Полторацкого. - М. : Воениздат, 1993.

25. Интервью Владимира Путина телеканалу ОРТ // Сайт Президента России, 15 января 2000. [Электронный источник] URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/47054>. (дата обращения: 15.10.16).

26. Интервью информационному агентству ТАСС [Электронный источник] URL:<https://www.meforum.org/topics/39/suicide-terrorism> (дата обращения 18.10.15).

27. Исследование ВЦИОМ [Электронный источник] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365> (дата обращения 31.01.2015)

28. История народа Нохчи [Электронный источник] URL:www.nohchidu.com/dri/nsi/iv.html (дата обращения: 15.10.16).

29. Калоева И. Э. Особенности освещения в СМИ вооруженных конфликтов (Чеченская республика: 1994-2004 гг.) : Дис. канд. полит. наук : 10.01.10 : Санкт-Петербург, 2004.

30. Ключинская О. В. Проблемно-тематические аспекты современной военной прозы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №4. [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemno-tematicheskie-aspekty-sovremennoy-voennoy-prozy> (дата обращения: 14.04.2016).

31. Колесов И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект: на материале английского и русского языков : диссертация доктора филологических наук : 10.02.19 / Колесов Игорь Юрьевич; [Место защиты: Алт. гос. ун-т] Барнаул, 2009.

32. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

33. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

34. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004.

35. Кузьмина Л. Я. Массовое сознание в условиях тоталитарного общества: генезис и особенности: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1990.

36. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.

37. Лосский Н. О. Характер русского народа. Кн. 1. М., 1990.

38. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981.

39. Марков Е.А. Первая Чеченская война в материалах российских СМИ // Теория и практика общественного развития. 2011. №2 С.179-182.

40. Морозов А. В. Межъязыковая эквивалентность как способ представления деривационных отношений в лексике русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та . 2007. №297. С.12-16.

41. Никитина М. Э. Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны (На материалах Пензенской области) : Дис. канд. ист. наук : 07.00.02 Пенза, 2005.

42. Носков В. Н. Спецназ. Любите нас, пока мы живы, АСТ, Астрель-СПб, 2007.

43. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.)»: Наука; Москва; 1979.

44. Проект «Эрда» [Электронный источник] URL://erde-akraman.livejournal.com/1257.html (дата обращения 18.10.15).

45. Рагимова Ф. С. Заголовок-прецедент как актуализатор номинативно-семантического блока рекламного текста. Новосибирск, 2012.

46. Рагимова Ф. С. Канонический способ актуализации прецедентного высказывания // Вестник КемГУ . 2008. №1. С.45-50.

47. Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001.

48. Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. Москва: Олма-Пресс, 2001.

49. Рыжова С. В., Кокорина С. В., Филончик О. А., Ратина Н. В. Роль деонимизации в процессе обогащения лексического состава языка // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6–1. – С. 199-202.

50. Самоубийство ради Джихада. Угрозы Jerusalem Post, 27 July 2001. On the issue of suicide vs. martyrdom. пер. с англ. А. Курицкого.

51. Свободу потеряли, безопасности не обрели // Новая газета, 28.10.2002 [Электронный ресурс] URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/15108.html>. (дата обращения: 12.05.16)

52. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. — М., 2006.

53. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб., 1997. — Т. 1: XI—XII века.

54. Смирнов С. Ю. Основные сущностные черты образа героя в российском общественном сознании в контексте его трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. №3 (31) С.125-128.

55. Сомов В. А. Образ врага в сознании гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании.

56. Сторожева Е. М. Коннотация и ее структура. Челябинск, 2007.
57. Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей / под ред. Г. В. Кретицина, И. О. Дементьева, С. А. Якимова. Калининград, 2013.
58. Текст речи президента Российской Федерации В. В. Путина на Военном параде на Красной площади [Электронный источник] [URL:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/51888](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/51888) (дата обращения 18.10.15).
59. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 25.03.2015) "Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации" (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации") [Электронный источник] [URL://www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html](http://www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html). (дата обращения 18.10.15).
60. Уоллерстайн М. Группы интересов // Полис, 1992, № 5-6, с. 165
61. Федеральный закон "О борьбе с терроризмом" от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ, ст. 14.2
62. Филатова О. М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестн. Удмуртского ун-та. Филол. науки. - 2006.
63. Энциклопедический словарь. Под редакцией А. А. Иванова. — М.: Гардарики. 2004.